

Александра Шапкун

*ДЕВУШКА, КОТОРАЯ
ЖДАЛА*

18+

Александра Шапкун

ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ЖДАЛА

«Автор»

2026

Шапкун А. С.

**ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ЖДАЛА / А. С. Шапкун — «Автор»,
2026**

Вера знает, что такое ждать. Ждать пятнадцать минут, которые длятся два часа. Ждать звонка, который не раздастся. Ждать мужчину, который обещает развестись, но остаётся с женой. Но пятнадцать минут растягиваются в полтора года. А жизнь — проходит мимо. «Девушка, которая ждала» - это история о любовной зависимости, которая незаметно становится клеткой. О доме, где вместо нежности - упрёки. О матери, которая всю жизнь ждала отца и научила ждать дочь. О женщине, которая стоит за стеклом торгового центра и смотрит на чужую, счастливую, настоящую жизнь. Пока однажды в её магазин не заходит мужчина. Он просто покупает карандаши, смотрит внимательно и говорит: «Вы как статуэтка на витрине. Всегда на месте». Эта книга — для тех, кто хоть раз оставался у перекрёстка, вглядываясь в поток машин. Для тех, кто верил обещаниям, извинениям и словам «скоро». И для тех, кто готов наконец задать себе вопрос: стоила ли та ночь этого года ожидания? «Жданное горьким бывает». Но жизнь — она не ждёт.

© Шапкун А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Та, которая ждет	8
Глава 2. Утро, которого не хочется	12
Глава 3. За стеклом	15
Глава 4. Вечерний звонок	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александра Шапкун ДЕВУШКА, КОТОРАЯ ЖДАЛА

ПРОЛОГ

Февральский ветер нес по асфальту колючую снежную крупу, она секла лицо, оседала на ресницах, таяла на щеках соленой влагой, которую Вера даже не думала вытирать. Она стояла у входа в торговый центр уже полтора часа ноги в дешевых сапогах заledenели до того состояния, когда боль сменяется тупым онемением, и приходится переступать с пятки на носок, чтобы убедиться, что они еще существуют, еще держат, еще не отказали совсем.

Мимо текла чужая жизнь - люди выходили из метро, растекались по переходам, исчезали в автобусах, и каждый куда-то спешил, к кому-то торопился. И только Вера стояла на одном месте, вмерзнув в холодную стену торгового центра, и смотрела на перекресток, где зажигал и гасил свой зеленый глаз светофор, отсчитывая минуты, которых становилось все больше, а надежды - все меньше.

Она знала этот перекресток лучше собственной ладони - сколько раз стояла здесь, вглядываясь в поток машин, высматривая знакомую фигуру, ловя себя на дурацком сердцебиении каждый раз, когда из-за поворота показывался темный седан. Седаны были разные, а его все не было. Но она ждала. Потому что он сказал: «Жди». Потому что он обещал приехать через пятнадцать минут. Потому что пятнадцать минут - это такое смешное время, за которое можно выпить чашку кофе, прочитать пару страниц в книжке, дойти от метро до дома, но его пятнадцать минут длились уже второй час, и конца им не было видно.

Она считала прохожих - сначала просто так, чтобы занять голову, чтобы не думать о том, что ноги отмерзнут совсем, что он не придет, что она снова останется одна у этого проклятого перекрестка. Семнадцать женщин, двенадцать мужчин, четверо с детьми, двое с собаками. Потом сбилась со счета и перестала. Просто стояла, вжимаясь в стену, когда очередной прохожий толкал ее плечом, даже не оборачиваясь, даже не извиняясь. Она была частью пейзажа, частью этого холодного февральского вечера, такой же неодушевленной, как рекламный щит с улыбающейся девушкой, рекламирующей нижнее белье.

В кармане куртки лежал телефон, и каждые несколько минут она доставала его, с надеждой глядя на экран, но экран был темн, и только когда она нажимала на кнопку, загорался холодным светом, показывая время. 18:45. 18:52. 19:08. 19:23. Цифры сменяли друг друга, и Вера смотрела на них с каким-то тупым спокойствием человека, который знает, что ничего не изменится, но все равно продолжает ждать. Потому, что ждать - это единственное, что осталось.

Рядом с телефоном в кармане лежала смятая бумажка с его номером, старая зажигалка, забытая им в прошлый раз, и сломанная сережка, которой она так и не нашла пару, - маленькие сокровища, которые она носила с собой, как талисманы, как доказательство того, что он существует, что он был, что он вернется.

В 19:47 телефон ожил короткой вибрацией, и Вера так резко дернулась, чтобы достать его, что ударилась локтем о стену, но боли не почувствовала - пальцы, уже почти не гнувшиеся

от холода, с трудом нажали на экран, несколько раз промахиваясь, пока наконец не высветилось сообщение:

«Извини, завал. Клиент пришел не вовремя. Перезвоню. Целую».

Она прочитала. Перечитала. Убрала телефон в карман, туда же, к зажигалке и сережке. Потом разжала онемевшие пальцы и посмотрела на свои руки - перчатки протерлись на указательных пальцах до дыр, сквозь которые просвечивала покрасневшая кожа. Давно пора было купить новые, но все как-то не доходили руки, все ждала, что Сергей подарит. Он же обещал когда-то, в самом начале, когда еще дарил подарки и цветы, когда еще звонил каждый день, когда еще она не знала, что его жена существует, что у него есть сын, что он никогда не уйдет из семьи.

Она вздохнула, поправила шарф, замоталась плотнее и пошла к автобусной остановке - ждать другой транспорт, чтобы ехать домой, к матери, к привычному вечеру, к завтрашнему дню, который будет точно таким же, как сегодня, как вчера, как год назад.

На остановке было ветрено - ветер здесь, на открытом пространстве, дул особенно сильно, пробирая до костей, заставляя кутаться в старую куртку, купленную еще в институте, с вытертым воротником и дырявыми карманами. Под навесом стояли подростки - курили, не стесняясь, громко смеялись над чем-то своим, и Вера смотрела на них и вспоминала себя в их возрасте.

Тогда она тоже стояла на этой остановке. Только тогда здесь было по-другому: старые скамейки, ржавая табличка с расписанием. И она ждала Колю, первую любовь, одиннадцатый класс. Коля обещал прийти, проводить до дома. Она ждала час, а он не пришел... Потом выяснилось, что он ушел с другой, с Ленкой из параллельного класса. Вера проплакала неделю, а мать сказала: «Все мужики такие. Привыкай». И она привыкла. Научилась ждать. Научилась терпеть. Научилась не верить, но надеяться.

Автобус подошел через десять минут - старый, дребезжащий, битком набитый людьми. Вера втиснулась между толстой женщиной с сумками и подростком в наушниках, ухватила за поручень и закрыла глаза. В автобусе пахло мокрой одеждой, дешевым парфюмом и жареной картошкой - соседка, видимо, везла ужин с работы в пластиковых контейнерах. За окном проплывали огни вечернего города - желтые фонари, красные хвосты машин, светящиеся окна домов, в которых кипела чужая, непонятная, счастливая жизнь.

Вера смотрела на эти огни сквозь полуприкрытые веки и думала о том, что где-то там, в одном из этих окон, сидит сейчас Сергей с женой и сыном, ужинает, смотрит телевизор, и ему даже в голову не приходит, что она стоит здесь, в этом дребезжащем автобусе, и едет домой одна, потому что он не приехал, потому что у него всегда «завал», потому что она всегда ждет.

Автобус дернулся, остановился, выпустил часть пассажиров. Вера переступила затекшими ногами и почувствовала, как в кармане, рядом с телефоном, лежит та самая подвеска-сердечко, которую Сергей подарил в прошлый раз. Она носила ее с собой уже месяц - не надевала, просто носила, как талисман, как обещание того, что когда-нибудь все будет хорошо, когда-нибудь он придет и останется, когда-нибудь она перестанет быть девушкой, которая ждет, и станет просто девушкой, которую любят.

За окном замелькали знакомые пятиэтажки, гаражи, супермаркет «Пятерочка» с вечно разбитой вывеской. Ее остановка. Ее жизнь.

Она вышла, вдохнула холодный воздух и быстро зашагала к дому - серой панельной девятиэтажке, где горели окна, где на третьем этаже ее ждала мать с вечным недовольством и горячим ужином, который все равно будет не таким, как надо.

У подъезда она остановилась, достала телефон, набрала сообщение Сергею: «Доехала. Спокойной ночи». Отправила и сразу убрала телефон, чтобы не ждать ответа. Хотя ждала. Всегда ждала.

Вошла в подъезд - запахло кошками, сыростью, жареной рыбой от соседей с первого этажа. Лифт не работал - уже неделю, обещали починить к весне, и Вера пошла пешком, считая ступеньки. Три пролета. Тридцать шесть ступенек. На втором пролете сломана плитка - она знала это место, обходила автоматически, даже в темноте, даже не глядя.

На площадке третьего этажа она достала ключи, вставила в замок, повернула. Дверь открылась с привычным скрипом.

- Явилась! - раздалось из кухни. - Где тебя носит? Ужин стынет уже час!

Вера вздохнула, разулась, повесила куртку в прихожей и пошла на голос.

Глава 1. Та, которая ждет

На кухне горел тусклый свет - мать экономила электричество, хотя Вера сто раз говорила, что от этого портятся глаза. Но мать только отмахивалась, говорила, что она старая, ей уже все равно, а молодые пусть в очках ходят. На плите шипела сковорода, пахло пережаренным луком и котлетами - мать всегда пережаривала, потому что боялась, что сырое мясо опасно. В результате котлеты получались сухими и жесткими, но Вера ела, молча, потому что спорить было бесполезно.

Мать стояла у плиты в старой фланелевой рубашке, с седыми волосами, собранными в жидкий пучок, из которого вечно выбивались непослушные пряди, и помешивала что-то деревянной ложкой. Спина у нее была напряженная, плечи подняты - верный признак того, что вечер будет тяжелым и без скандала не обойдется.

- Мам, я же говорила - я сегодня задерживаюсь, - устало сказала Вера, садясь на табуретку, которая жалобно скрипнула под ней, как всегда скрипела, сколько Вера себя помнила.

- Говорила она! - Мать резко обернулась, и ложка в ее руке описала в воздухе дугу, брызнув маслом на плиту. - А я, значит, должна гадать, когда моя дочь явится? Я, между прочим, с больным сердцем, а ты по ночам шляешься!

- Я не шляюсь. Я Сергея ждала.

Мать замерла. Рука с ложкой застыла в воздухе, и на лице у нее появилось то выражение, которое Вера ненавидела больше всего - смесь жалости, презрения и горького торжества человека, который оказался прав. Потом она усмехнулась - нехорошо так, криво, с прищуром, от которого Вере всегда хотелось провалиться сквозь землю.

- А-а, Сергея. Ну конечно. И где же твой Сергей?

- У него работа. Клиент приехал не вовремя.

- Клиент! - Мать швырнула ложку в раковину, и та жалобно звякнула о чугунную мойку.
- Дура ты, Вера. Дура и есть. Сколько можно этого козла ждать?

- Мам...

- Помолчи! - мать подошла ближе, встала напротив, уперев руки в бока, и Вера вдруг заметила, какие у матери руки - сухие, в мелких морщинах, с темными пятнами на тыльной стороне. Руки старой женщины, которая много работала, много плакала, много ждала. - Я на тебя смотрю и себя вспоминаю. Тоже ждала. Твоего отца ждала. Думала - образумится, вернется, поймет. А он? Где он? Правильно - с другой, в своем новом доме, и ему плевать на нас обеих.

- Папа не такой...

- А какой? - мать наклонилась к Вере, заглядывая в глаза, и от нее пахло потом, луком и той особой старостью, которая появляется у людей после шестидесяти, когда организм начи-

нает пахнуть иначе, чем в молодости. - Какой он, Вера? Ты его помнишь? Ты его видела за эти пятнадцать лет? Он звонил тебе? Поздравлял с днем рождения? Деньги слал?

Вера опустила глаза и уставилась на клеенку в цветочек - мать купила ее лет пять назад, с тех пор клеенка вытерлась, края обгорели от горячих кастрюль, в одном месте была прожжена сигаретой (хотя мать не курила, наверное, соседи заходили), но мать не меняла, говорила - еще послужит.

- То-то же, - мать выпрямилась, отошла к плите, выключила газ. - А ты туда же. Ждешь. Веришь. А он такой же, как отец. Все они такие.

- Мам, ну откуда ты знаешь? Ты его не видела ни разу.

- А чего тут видеть? - мать повернулась, оперлась спиной о стол, и Вера увидела, как сильно она постарела за последний год - морщины стали глубже, глаза запали, под ними залегли темные круги. - Рассказывай. Кто он? Чем занимается? Где живет? Есть семья?

Вера молчала, потому что говорить правду было стыдно, а врать - бесполезно, мать все равно чувствовала ложь за версту.

- Есть, - кивнула мать. - Я так и думала. И ты - вторая. Любовница. Тьфу.

- Мам, он разводится...

- Разводится он! - фыркнула мать, и в этом фырканье было столько презрения, столько выстраданного за годы опыта, что Вера почувствовала себя маленькой девочкой, которая опять сделала что-то не так. - Слышали мы эти сказки. Твой отец тоже разводился, разводился, а потом просто ушел. И я осталась одна. И ты такой же будешь. Потому что баба должна головой думать, а не... этим!

Она махнула рукой куда-то в сторону груди, и жест этот был таким выразительным, таким понятным, что Вера вдруг захотела закричать, завывать, разбить что-нибудь, но вместо этого просто сидела и смотрела на клеенку.

- Ешь давай, - буркнула мать, ставя перед ней тарелку. Котлеты были пережаренные, гречка холодная, подливка застыла жирной пленкой. - Все остыло из-за тебя.

Вера взяла вилку, поковыряла еду. Есть не хотелось. Вообще ничего не хотелось - ни есть, ни пить, ни жить, ни дышать. Хотелось лечь и закрыть глаза, и чтобы никто не трогал, не спрашивал, не обвинял.

- Я не голодна.

- Как хочешь. - Мать села напротив, налила себе чаю из старого заварника с отбитым носиком - заварник еще бабушкин, помнил, наверное, еще ту жизнь, когда все было по-другому. - Завтра на работу?

- Да.

- В ночную?

- Нет, в дневную. К девяти.

- Ну иди ложись тогда. Чего сидишь?

Вера послушно встала, убрала тарелку в раковину, помыла за собой. Мать сидела, смотрела в окно и пила чай маленькими глотками. В профиль она была особенно похожа на старуху - сгорбленная спина, острый подбородок, седые волосы, выбившиеся из пучка.

«Я такой буду, - подумала Вера. - Точно такой же. Одна, злая, с вечной обидой на весь мир».

- Мам, - позвала она уже из коридора.

- Чего?

- Спокойной ночи.

- Ага, - буркнула мать, не оборачиваясь.

Комната Веры была даже не комнатой - углом в большой комнате, отгороженным старым шифоньером, который помнил еще бабушку. Шифоньер был громоздкий, темно-коричневый, с мутным зеркалом, в котором все отражалось каким-то желтоватым, старым, неживым. В углу стояла узкая кровать, на которой Вера спала с детства, - панцирная сетка давно просела, матрас потерял форму, но Вера привыкла и не замечала неудобств.

У окна - письменный стол, весь исцарапанный, с чернильными пятнами, которые не отмывались ничем. За этим столом она делала уроки, потом писала курсовые, потом просто сидела и смотрела в окно на тот самый двор, где когда-то играла в классики и догонялки. На подоконнике стоял засохший цветок в горшке - когда-то это была герань. Мать любила цветы, но последние годы перестала заниматься, и герань засохла. Вера все собиралась ее выбросить, но как-то рука не поднималась - казалось, что вместе с цветком выбросишь что-то важное, последнее, что связывало с той жизнью, когда все было хорошо.

Она разделась, натянула старую футболку - большую, мужскую, которую Сергей оставил однажды и забыл забрать. В футболке пахло им - или уже не пахло, выветрилось за полгода, просто казалось, что пахнет, потому, что хотелось верить, что он еще вернется, еще заберет, еще останется.

Забралась под одеяло. Телефон лежал на тумбочке экраном вверх - вдруг придет сообщение, вдруг он все-таки напишет, вдруг извинится, вдруг скажет, что едет, что уже в пути, что сейчас будет.

Она лежала и смотрела в потолок. Там, на обоях, было пятно - еще с прошлого года, когда соседи сверху залили. Мать ругалась, ходила разбираться, но так ничего и не добилась. Пятно осталось - желтое, размытое, похожее на карту какой-то несуществующей страны, в которой можно заблудиться и никогда не найти дорогу назад.

«Надо бы обои переклеить, - подумала Вера. - Или хотя бы закрасить».

Она знала, что не закрасит. Как не покупает новые перчатки, как не выбрасывает старую футболку, как не говорит матери правду. Все как-то потом, когда-нибудь, не сейчас.

Сейчас - надо ждать.

Она протянула руку, взяла телефон. Новых сообщений нет.

Открыла переписку с Сергеем. Пролистала вверх - туда, где начиналось их «счастье».

«Привет! Вы сегодня чудесно выглядели» - написал он тогда, полтора года назад.

Она ответила не сразу - думала, что это ошибка, что не ей. Потом ответила. Потом они встретились. Потом он сказал, что женат. Потом она плакала. Потом он сказал, что разводится. Потом она поверила.

Полтора года.

Пятьсот сорок семь дней.

Тысячи сообщений со словами «жду», «скоро», «потерпи», «люблю».

Вера перечитывала старые сообщения, как другие читают книги. Вот здесь он написал: «Ты самая лучшая. Я такой не встречал». А здесь: «Сегодня увижу тебя и умру от счастья». А здесь просто: «Спокойной ночи, моя девочка».

Она улыбнулась в темноте.

«Он любит, - подумала она. - Просто обстоятельства. Но когда все решится - мы будем вместе. Надо верить. Надо ждать».

За стеной зашаркали шаги - мать пошла в туалет, потом на кухню попить воды. Скрипнула дверца холодильника, звякнула кружка. Потом все стихло.

Вера закрыла глаза.

Ей снилось лето, парк, та самая скамейка, где они первый раз целовались. Сергей держал ее за руку и говорил: «Все будет хорошо. Ты только жди».

И она ждала.

Даже во сне.

Глава 2. Утро, которого не хочется

Утро началось с грохота кастрюль - мать всегда гремела посудой, когда была не в духе, а не в духе она была почти всегда, особенно по утрам. Кастрюли звенели, крышки падали, вода лилась, и весь этот шум врвался в сон Веры, разбивая его на осколки, из которых невозможно было собрать ничего целого.

Она открыла глаза и поняла, что не выспалась. Сон был тяжелым, липким, полным обрывков воспоминаний, которые не складывались в историю, а просто крутились в голове, как старая пластинка на заевшем проигрывателе. Телефон показывал 7:15, за окном было серо, на кухне мать уже всю хозяйничала, и Вера знала - сейчас начнется.

- Вставай, соня! - раздалось из кухни. - Люди уже полдня отработали, а она дрыхнет!

Вера вздохнула, села на кровати. Панцирная сетка жалобно скрипнула под ней, пружины впились в тело - она давно привыкла к этому скрипу, как привыкают к постоянной боли, которая становится фоном, перестает замечаться, но никуда не девается. Голова гудела, во рту было сухо, будто она всю ночь жевала вату.

Она посидела минуту, собираясь с мыслями, потом встала, накинула халат - старый, махровый, еще мамин, с вытертыми локтями - и поплелась в ванную.

В коридоре столкнулась с матерью - та несла стопку белья, высокую, почти до подбородка, и шла, слегка согнувшись под ее тяжестью.

- Долго ты там? - буркнула мать, не останавливаясь. - Мне тоже надо.

- Пять минут.

- Ага, знаю я твои пять минут.

Вера закрыла дверь ванной, прислонилась спиной к холодной стене, покрытой мелкой кафельной плиткой, местами отбитой, местами треснувшей. В ванной пахло сыростью, старым мылом и чем-то еще, неуловимым, что бывает только в старых квартирах, где десятилетиями живут одни и те же люди, и запахи въедаются в стены, в пол, в потолок, становятся частью дома.

Зеркало над раковиной запотело от материного душа - она всегда мылась с утра, говорила, что так просыпается. Хотя Вера подозревала, что дело не в пробуждении, а в привычке, которая осталась с тех времен, когда отец еще жил с ними и уходил на работу рано, и мать вставала вместе с ним, чтобы приготовить завтрак.

Вера провела рукой по стеклу, протерла полоску. В отражении появилось бледное лицо с темными кругами под глазами, тусклые волосы, собранные кое-как в пучок на затылке, тонкие губы, которые она никогда не красила - зачем, если все равно никто не смотрит, кроме матери и продавщиц в магазине?

«Красавица, - подумала она без иронии. - Зачем ты ему такая?»

Вспомнила ту женщину с фото - ухоженную, с прической, с сыном, с дорогой кофтой и красивыми серьгами. Сразу стало тоскливо, до физической боли в груди, будто кто-то сжал сердце холодной рукой и не отпускал.

Она открыла кран, плеснула в лицо холодной водой. Немного взбодрило, но не сильно.

- Вера! - крик из кухни. - Ты долго там? Завтрак стынет!

- Иду!

Она быстро расчесалась - волосы путались, секлись на концах, давно пора было подстричься, но все как-то не доходили руки - и вышла.

На кухне было жарко - мать всегда топила на полную, боялась простуды, хотя на улице уже не было таких морозов, как в январе. Пахло пережаренной овсянкой и бутербродами с сыром - этот запах Вера помнила с детства, он был таким же родным, как скрип двери и пятно на потолке.

Мать уже накрыла стол - тарелка с овсянкой, бутерброд с сыром, чай в любимой кружке с отбитой ручкой (отбилась лет пять назад, а кружку все не выбрасывали, потому что «еще послужит»). Сама мать сидела напротив, пила свой цикорий - она считала, что кофе вреден для сердца, хотя сама пила чай с тремя ложками сахара - и смотрела телевизор, где шло утреннее шоу, какие-то люди что-то бурно обсуждали, размахивали руками, кричали друг на друга.

- Ешь давай, - кивнула мать на тарелку, не отрываясь от экрана. - А то опять будешь в магазине булки покупать. Деньги на ветер.

Вера села, взяла ложку. Овсянка была пресной, без сахара, без масла, без всего - мать считала, что полезная еда должна быть невкусной, иначе это не полезно. Вера, молча, ела, стараясь не думать о вкусе, просто проглатывая, запивая чаем, заедая бутербродом, чтобы поскорее закончить этот утренний ритуал.

- Чего вчера так долго ждала-то? - спросила мать, все так же глядя в телевизор, где ведущая с неестественно белыми зубами объявляла следующий номер.

- Сказал - через пятнадцать минут. А сам задержался.

- А ты и рада стоять, как дура, на морозе?

- Мам...

- Что "мам"? Я правду говорю. Мужик, который ценит, не заставит женщину ждать на морозе два часа. Это тебе любой скажет.

Вера молчала, ковыряя ложкой в каше, которая уже начала остывать и покрываться неприятной пленкой.

- Ты на меня посмотри, - вдруг сказала мать, и голос у нее стал другим - не злым, не крикливым, а каким-то усталым, почти безжизненным. - Я тоже красивая была. Молодая. Вон,

фотки есть - заглядишься. И что? Ждала. Верила. Дочку родила. А он? - она кивнула куда-то в сторону, будто там, за стеной кухни, стоял отец и слушал. - Ушел. К молодой ушел. К продавщице из универсама. Представляешь? Я ему двадцать лет жизни отдала, а он - к продавщице.

- Мам, ты же говорила, папа ушел из-за денег...

- Из-за денег, из-за бабы - какая разница? - мать махнула рукой, и жест этот был таким безнадежным, таким усталым, что Вере захотелось обнять ее, прижать к себе, сказать что-то хорошее. - Ушел. И все. А я осталась. С тобой. И с этой квартирой. И с сердцем больным.

Она замолчала, уставилась в телевизор, но Вера видела - она не смотрит, просто глаза устали в одну точку, а мысли где-то далеко, в той жизни, где она была молодой, красивой, счастливой, где у нее был муж и будущее, которое обещало быть светлым.

- Мам, - тихо сказала Вера.

- Чего?

- А ты его любила?

Мать долго молчала. Потом ответила - глухо, будто нехотя, будто вытаскивала из себя каждое слово:

- Любила. Дура была.

- А сейчас?

- Сейчас? - мать усмехнулась, и усмешка эта была страшнее любых слов. - Сейчас я старая и злая. И никого не люблю. Только тебя, дуру такую.

Вера встала, подошла к матери, обняла сзади. Мать напряглась - она не любила прикосновений, не привыкла к нежности - потом расслабилась, положила свою руку поверх Вериной, сухую, теплую, с выступающими венами.

- Ладно, - сказала она. - Иди уже. Опоздаешь.

Вера поцеловала ее в седую макушку - от матери пахло цикорием, старостью и чем-то родным, что невозможно объяснить словами - и пошла собираться.

Глава 3. За стеклом

Дорога до работы заняла сорок минут пешком, и Вера была благодарна этому обстоятельству - после утреннего разговора с матерью хотелось побыть одной, проветрить голову, разогнать тяжелые мысли, которые оседали в душе липким холодным туманом. Она шла по зимним улицам, и снег поскрипывал под ногами - тот особый февральский снег, который уже не падает с неба, а лежит, доживая последние дни перед весной, грязный, слежавшийся, но все еще белый там, где не ступала нога прохожих.

Город просыпался медленно и неохотно, как человек, которому не хочется вылезать из-под теплого одеяла. Открывались магазины - с лязгом поднимались железные жалюзи, загорались вывески, продавцы в фартуках выметали на улицу вчерашний мусор. Ехали машины - их было еще немного, только самые ранние, те, чьи хозяева начинали работу с рассветом. Где-то играла музыка из открытого кафе - там мыли полы и готовились к новому дню, и запах свежесваренного кофе смешивался с морозным воздухом, создавая то особенное утреннее настроение, когда кажется, что все еще может быть хорошо.

Вера шла и думала о том, как живут другие люди. Те, у кого есть нормальные отношения, семья, дети, мужья, которые приходят домой вовремя и не заставляют ждать на морозе по два часа. Те, кто просыпается утром и знает - сегодня будет просто день, обычный день, без ожидания, без надежды, без этой вечной лотереи, где выигрыш - короткое сообщение, а проигрыш - пустота в груди.

Она представляла их - этих незнакомых счастливиц. Вот женщина в дорогом пальто спешит к метро, и на лице у нее не усталость, а деловая озабоченность, она знает, куда идет и зачем. Вот мужчина везет коляску с ребенком - малыш сидит, укутанный так, что видны только глаза, и эти глаза смотрят на мир с любопытством, еще не зная, что их ждет. Вот старушка ведет собачку - смешного лохматого пекинеса, который семенит лапками по снегу, оставляя цепочку маленьких следов.

А Вера идет одна, и никто не ждет ее вечером, кроме матери, которая встретит упреками, и телефона, который может позвонить, а может и не позвонить, и от этого ничего не зависит, потому что она все равно будет ждать, потому что ждать - это единственное, что она умеет.

Торговый центр возник перед ней внезапно - огромная стеклянная коробка, в которой уже зажглись огни, зашумели эскалаторы, зазвучали первые объявления по радио. Вера толкнула тяжелую дверь, и на нее пахнуло теплом, смешанным с запахами парфюмерии из соседнего магазина, свежей выпечки из кафе и еще чем-то неуловимо синтетическим, чем пахнут все торговые центры мира.

Охранник дядя Коля стоял на посту, как всегда, - высокий, худой, в неизменной форме, которая была ему велика размера на два, с папиросой за ухом (курить на посту нельзя, но он прятался в подсобке, и все знали, но молчали, потому, что дядя Коля работал здесь лет десять и был человеком хорошим, безобидным). Увидев Веру, он кивнул ей и улыбнулся - редкая улыбка на его обычно серьезном лице, изрезанном глубокими морщинами.

- Здорова, Вера. Чего так рано?

- Прогулялась, дядь Коль. Пешком пошла.

- Молодец. - Он одобрительно покачал головой. - А то молодежь вся в телефонах, в автобусах, а ты вон - пешком. Полезно. Я вот тоже, пока здоров был, всегда пешком ходил. А теперь ноги не те.

- А что с ногами?

- Давление, - махнул он рукой. - Врачи говорят - сосуды, возраст, ничего не поделаешь. А я думаю - от работы. Двадцать лет за рулем, потом десять тут на ногах. Вот и результат.

Вера кивнула, пожелала ему здоровья и пошла в подсобку. Она знала историю дяди Коли - жена умерла пять лет назад, дети в другом городе, он один в двушке на окраине, и работа здесь - единственное, что держит его на плаву, дает смысл, заполняет дни, которые без нее были бы бесконечно пустыми. Иногда они перекидывались парой фраз, и это было единственное человеческое общение за день, кроме Лены, - простое, ни к чему не обязывающее, но такое нужное, особенно когда понимаешь, что больше поговорить не с кем.

В подсобке пахло картоном, пылью и старым кофе - здесь стояла маленькая кофеварка, которой пользовались все продавцы, и кружки, немытые часами, покрывались коричневым налетом. Вера переоделась в форму - дурацкий синий жилет с логотипом магазина, который висел на ней мешком, как на вешалке, делая фигуру бесформенной и некрасивой. Посмотрела на себя в маленькое зеркальце, приклеенное скотчем к шкафчику, - лицо было бледным, глаза уставшими, волосы торчали в разные стороны. Она поправила их рукой, поняла, что бесполезно, и махнула на себя рукой.

В зале уже шуршала Лена - расставляла товар на полках, двигала коробки, что-то напевала себе под нос. Увидев Веру, она расплылась в улыбке - яркой, открытой, с блеском в глазах, который не портили даже дреды, за которые их ругала начальница.

- О, явилась! - Лена подбежала, чмокнула Веру в щеку. - А я уж думала, ты проспешь. Чего такая кислая?

- Нормально, - Вера подошла к кассе, включила терминал, который загудел, замигал огоньками, начал загружаться.

- Ага, вижу я твое "нормально". - Лена подошла ближе, заглянула в лицо, и улыбка ее стала серьезной, почти взрослой. - Глаза красные. Опять плакала?

- Не плакала.

- Врешь.

- Не плакала, Лен. Просто не выспалась.

Лена вздохнула, поправила свои дреды - она недавно их сделала, потратила кучу денег в хорошем салоне, и теперь ходила довольная, хотя начальница ругалась и говорила, что это неформально и не соответствует корпоративному стилю.

- Слушай, - сказала Лена, понижая голос и оглядываясь по сторонам, будто боялась, что их подслушают. - Я тут вчера вечером с парнем в «Шоколаднице» сидела. И видела кое-что.

Вера насторожилась - по тону Лены она поняла, что это не просто сплетни, а что-то важное, что-то, что опять сделает ей больно.

- Что?

- Ты не злишь только. Я не специально, просто смотрю - сидит мужик с бабой и пацаном. Ну, думаю, семья нормальная, ужинают, разговаривают. А потом пригляделась - батюшки, это ж твой Сергей!

У Веры похолодело внутри - тот самый холод, который она чувствовала на морозе, только теперь он был внутри, разливался по груди, сжимал сердце ледяными пальцами.

- И что?

- Да ничего. Сидели, ужинали. Он ее за руку держал, понимаешь? Не просто так сидели, а за руку. И пацана по голове гладил. Я думала - может, сестра? А пацан на него похож, копия прямо. Ну, ты сама понимаешь.

Вера молчала. Смотрела на Лену, но не видела ее - перед глазами стояла картинка из кафе: Сергей, его рука на руке той женщины, его улыбка, его сын, который так на него похож. И вдруг она поняла, что никогда не видела его таким - расслабленным, счастливым, домашним. С ней он всегда был немного напряжен, всегда будто спешил куда-то, всегда смотрел на часы. А там, с ними, он был другой - настоящий.

- Вер, ты как? - Лена тронула ее за плечо. - Ты побледнела вся.

- Нормально.

- Да не нормально! - Лена схватила ее за руку, сжала крепко, до боли. - Ты посмотри на себя! Ты же сохнешь по нему, а он вон с семьей ужинает! Ты это понимаешь?

- Лен, отстань.

- Не отстану! Потому что ты хоть и подруга, но дура! - Лена говорила горячо, глаза ее горели, и Вера вдруг увидела в них что-то такое, чего раньше не замечала - боль, память, свой собственный опыт. - Я сама через это прошла! Помнишь, я рассказывала? Димка мой, бывший, тоже женатым оказался. Я полгода ждала, верила, думала - уйдет. А он не ушел. И я чуть с ума не сошла. Хорошо, что Макс появился - мой нынешний. А если бы не он? Сидела бы сейчас и ждала, как ты.

Вера подняла глаза. Лена говорила редко о себе - обычно трещала без умолку, но про личное молчала, отделялась шутками. Сейчас она была серьезной, почти взрослой, и в голосе ее звучало что-то такое, отчего хотелось верить.

- Ты прости, если грубо, - сказала Лена. - Но я правду говорю. Не надо ждать. Жизнь проходит. Она, знаешь, как быстро проходит? Раз - и уже тридцать, раз - и уже сорок, а ты все ждешь. А потом смотришь в зеркало - а там старуха. И некому уже тебя ждать.

Она хлопнула Веру по плечу и пошла раскладывать товар, оставив ее одну у кассы.

Вера осталась стоять, глядя в одну точку. Перед ней была витрина - за стеклом лежали кружки, тарелки, дешевые безделушки, которые покупали такие же, как она, обычные люди, чтобы украсить свою обычную жизнь. За этим стеклом был другой мир - мир вещей, которые можно купить, потрогать, унести домой. А за другим стеклом, в которое она смотрела каждый день, был мир людей, которые жили, не зная, что такое ждать.

«Жизнь проходит, - думала Вера. - А я где? Я стою за стеклом и смотрю на чужую жизнь. И думаю, что когда-нибудь у меня будет своя. А она уже есть. Просто я ее не замечаю».

Она перевела взгляд на свое отражение в витрине - бледное, размытое, нечеткое. За стеклом, за ее отражением, лежали кружки с дурацкими надписями. А за ними - проход, эскалатор, другие люди, другая жизнь.

«Я по ту сторону стекла, - подумала Вера. - Я всегда по ту сторону. И не знаю, как выйти».

Покупателей было немного - обычный будний день, когда люди еще на работе и заходят только те, у кого выходной или кто работает по сменам. Вера пробивала товар, улыбалась дежурной улыбкой, складывала покупки в пакеты, и мысли ее были далеко - там, в кафе, где Сергей держал за руку другую женщину.

Она представляла эту женщину - как она выглядит, во что одета, о чем говорит. Наверное, она красивая. Наверное, ухоженная. Наверное, у них есть общие темы, общие воспоминания, общая жизнь, в которой нет места Вере. И сын - мальчик, который зовет его папой, который ждет его вечером с работы, который садится на колени и просит почитать сказку.

А Вера - кто она для него? Тайна, которую нужно скрывать. Ошибка, которую нужно исправлять. Место, куда приходят, когда надоедает семья.

Боль была острой, режущей, как тот осколок кружки, которым она порезалась на прошлой неделе. Только там была ранка на пальце, которая зажила за пару дней, а здесь - внутри, и не заживет, пока она сама не вырвет это с корнем.

Ближе к вечеру, когда поток покупателей схлынул и Вера уже собиралась закрывать кассу, в магазин зашел мужчина.

Она подняла глаза и сразу узнала его - тот самый, который покупал ручку, потом карандаши, потом блокнот. Средних лет, неброский, в простой куртке, с лицом, которое не запомнилось бы, если бы не глаза - спокойные, серые, смотревшие не сквозь, а прямо, внимательно, будто видели больше, чем другие.

Он прошел к стеллажам, долго рассматривал товар, трогал руками обложки, перебирал ручки, потом подошел к кассе с блокнотом - опять блокнот, на этот раз в твердой обложке, темно-синий, с тиснением.

- Здравствуйте, - сказал он тихо, и голос у него был под стать глазам - спокойный, чуть хриловатый, будто он много курил или просто простужен.

- Здравствуйте, - ответила Вера, беря блокнот, чтобы пробить штрих-код.

- Сколько?

- Двести тридцать рублей.

Он протянул деньги - купюры, аккуратно сложенные пополам, без спешки, без той нервозности, с которой обычно расплачиваются покупатели. И в этот момент их взгляды встретились.

Вера вдруг поняла, что он смотрит на нее не как на продавщицу - не равнодушно, не сквозь, а с интересом, с вопросом, с чем-то еще, чего она не могла определить. Это было странно - за столько лет работы к ней привыкли, как к части интерьера, как к кассе, как к витрине. А он смотрел иначе.

- Вы тут всегда работаете? - спросил он.

- Да, - ответила Вера, протягивая сдачу. - Всегда.

- Я заметил. - Он улыбнулся - чуть заметно, уголками губ. - Вы как статуэтка на витрине, всегда на месте.

Вера не поняла, комплимент это или насмешка. Мужчина, видимо, заметил ее замешательство и добавил мягко:

- Извините, если глупость сказал. Я просто хотел сказать, что вы... как бы это... заметная. В хорошем смысле. Не сливается.

- Спасибо, - растерянно сказала Вера.

Он кивнул, убрал блокнот в пакет и пошел к выходу. У двери обернулся, еще раз посмотрел на нее - долгим, внимательным взглядом - и вышел.

Лена выскочила из подсобки, где пряталась с телефоном, и подбежала к окну, проводив его глазами:

- Ого! А это кто? Поклонник?

- Да нет, просто покупатель.

- Ага, просто! - Лена подошла к Вере, заглянула в лицо. - Симпатичный, кстати. Возрастной, но ухоженный. И смотрел на тебя как...

- Как?

- Как на человека. Не как на продавщицу. Ты заметила?

Вера пожала плечами, но внутри что-то шевельнулось - маленькое, теплое, давно забытое. На нее давно никто не смотрел как на человека. На нее смотрели или равнодушно, или с раздражением, или с той особой жалостью, которую испытывают к неудачникам. А этот смотрел иначе.

«Заметная, - повторила она про себя. - Не сливаюсь. Интересно, что он имел в виду?»

Она посмотрела на свое отражение в витрине. То же бледное лицо, те же усталые глаза, та же некрасивая форма. Ничего особенного. Обычная продавщица из обычного магазина.

Но что-то внутри нее - маленькое, слабое, почти незаметное - вдруг шевельнулось и сказало: «А может, я и правда заметная? Может, он видит то, чего я сама в себе не вижу?»

Она отгоняла эту мысль. Но мысль осталась, затаилась, чтобы вернуться позже, когда Вера будет одна, в тишине, и нечем будет занять голову.

Глава 4. Вечерний звонок

Дома опять был скандал - Вера поняла это, едва открыв дверь. В воздухе висело то особое напряжение, которое бывает перед грозой, когда небо темнеет, воздух становится тяжелым, и все живое замирает в ожидании удара.

Из кухни доносился запах горелого - мать опять что-то сожгла, опять нервничала, опять ждала ее с упреками. Гремела посуда - кастрюли сталкивались друг с другом, крышки падали на пол, ложки звенели о раковину. Вера разулась, повесила куртку и пошла на кухню, готовясь к худшему.

- Явилась! - мать вышла в коридор, держа в руках сковородку с чем-то черным и безнадежно испорченным. - Посмотри, что я из-за тебя сожгла!

- Мам, я же говорила - не жди меня с ужином, я поздно.

- А я, значит, должна голодная сидеть? Я, между прочим, мать тебе, а не прислуга! - мать швырнула сковородку в раковину, и та жалобно звякнула, ударившись о чугунную мойку. - И где твой Сергей? Почему он тебя не кормит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.